

...Это свинство - непрошенно влезать в интимный разговор двух людей. Но дневник - совсем другое. Это честный разговор с тобой..." Так началась наша "переписка" с человеком, имя которого для многих сегодня является символом невосполнимой утраты, чья совершенно нелепая и трагическая смерть на взлете заслуженной популярности все время задает нам вопросы: кто, зачем, почему?.. Этот человек - Игорь Тальков.

Я расскажу об Игоре, которого почти никто не знает, Игоре - предтече Талькова-певца и композитора. Рассказ мой будет лишен каких-либо сенсационных фактов "из жизни будущей звезды", но я постараюсь передать характерную особенность Игоря, которая прослеживалась в нем всегда. Это твердый, неуступчивый в принципиальных вопросах характер, то, что мы называем силой духа. Я теперь ясно вижу, что именно эта черта Талькова привела его к славе и... к смерти. В нем был какой-то внутренний крепчайший стержень. Он просто не мог пойти против своей совести, всегда добивался всего, чего хотел, только самым коротким - прямым путем. Не это ли стало причиной такой короткости его жизни... По-

Младший сержант Тальков заведовал клубом. Я - его подчиненный - клубной библиотекой. Мы играли в одном ансамбле, созданном Тальковым. Армейское высокое начальство называло ансамбль, естественно, "Звездочкой"... Как же еще можно назвать группу музыкантов строительной части? А так - простенько, со вкусом, и сразу ясно, кто играет и где. Вот в этой "Звездочке" и воссиял Тальков. Игорь не только руководил ансамблем - он аранжировал музыку, играл на всех инструментах, подбирал возможно более серьезный репертуар - в рамках понятий приемной комиссии политотдела. И хотя у нас в ансамбле были, можно сказать, профессиональные музыканты, которым не

Если полностью гол
Под худым пальтецом -
Лучше выстрел в упор,
Чем тот ветер в лицо!

Лучше правду - в мороз,
Чем на печке льстецом.
Лучше - если замерз,
Чем в тепле - ложь в лицо..."

Не бог весть какие строки, но настроение наше передано было Игорем точно. Армейский застой и кучка раввавшихся из "кольца" ребят из "солдатской интеллигенции"...

Игорь был очень похож на эти свои стихи. Сейчас даже жутковато становится, вроде бы предсказал сам себе: лучше выстрел в упор... Но все это чертовщина, а парень он был резкий, выдававший в лицо все, что на данный момент думал. Если потом понимал, что был не прав - признавал это. И в такие моменты я отчетливо видел, как ему было трудно сладить с двумя страстями - своей собственной гордыней и чувством собственной неправоты. Почти всегда в нем побеждало справедливое.

Он, конечно, как и все мы, совершал поступки "на грани фола". Почему слово "переписка" в начале моих записок взято в кавычки? Просто Игорю как-то на глаза попался мой личный дневник, куда я по журналистской привычке записывал всякие свои размышления.

привычки жить в тепличных условиях и эгоизма... Что ж, кто в двенадцать лет не был эгоистом? Главное, понять это вовремя. Мне удалось - теперь могу сказать, что и не без помощи Талькова.

Тем не менее удар мне Тальков нанес в своей обычной, прямой и совершенно безжалостной манере. Я, разумеется, был обижен не столько содержанием, сколько формой написанного им - каждый из нас по молодости считал себя в душе как минимум "с искрой божьей", и когда вот так мордой об стол... Потому и расставались мы с Тальковым на время моего краткосрочного отпуска домой тяжело, не поднимая друг на друга глаз, и, конечно, прощание наше не походило на те, которые показывали по телевизору, когда Генсек у трапа самолета с огромной душевной болью отрывал от себя очередного лидера из страны народной демократии...

Я вернулся через неделю. Помоему, в Советской Армии краткосрочные отпуска придуманы каким-то утонченным садистом - вероятно, что творится в солдатской душе, когда он вновь должен покидать родной дом и ехать в проклятые казармы. Мне оставалось еще служить почти девять месяцев... Все, что я любил, осталось на перроне Рижского вокза-

тыре часа играл нам, уставшим и грязным. Играл до боли в пальцах, часто после тяжелого шефского концерта.

В отличие от многих, Тальков твердо знал, чем будет заниматься в жизни. Утром, после подъема, когда все шли на физзарядку, он потихоньку сбежал в клуб и завопил заунывное "мау-мау-мау..." и дальше что-то, чего я уже не помню, - делал голосовую разминку. Он использовал для своего призвания любую свободную минуту, отказывая себе даже в немудреном солдатском отдыхе.

...Вы, может быть, помните - в семидесятых годах вспыхнул и погас тульский ансамбль "Красные маки". Игорь начинал там бас-гитаристом. Оттуда же, из Тулы, и призывался в СА. После службы уехал в Питер, выпустил несколько "миньонов" из серии "Поют ленинградцы" и вернулся в Москву. О московской его карьере знают все, многие - лучше меня. Его там поджидала слава, а у славы всегда много свидетелей. Зато безвестности всегда больше искренних друзей.

Читатели простят автору некоторую сумбурность - трудно писать о друге, которого больше нет. Остались его записи в моем дневнике:

"Друг познается в беде. Нигде человек так не раскрывается, как в армии. Здесь ты как на ладони: все твои грехи, все твои плохие стороны проявляются с неописуемой ясностью и отчетливостью".

Мы знали друг о друге все: кто, с кем, сколько раз и где. Что нужно, чего хочется. Мы - это наша "звезда" Игорь Тальков и члены его "Звездочки": ленинградский музыкант Юра Иванов, пензенец Дима Владыкин, туляк Гена Иванов, отличившийся тем, что до службы успел закончить пять курсов разных вузов, рижский портной и фанат рока Вадим Добротин и автор этих строк. Мы ссорились и мирились, дружили и всегда были вместе, что нас и спасало. Игорь был центром нашей маленькой Вселенной.

...На "гражданку" Тальков ушел одним из первых. И я, штабной писарь, отдыхавший на льготной должности в последние месяцы службы после тяжелой годичной командировки по треугольнику Инта-Печора-Воркута, с завистью выписывал нашему "команду" - командиру отделения - ходные документы. У меня оставалось еще двадцать дней службы. И дневник:

"Там, на гражданке, - другая жизнь, совершенно другая. Там человек раскрывается во всем многообразии своих пороков..." Потом мы виделись не часто. Редкие звонки из Москвы да телеграфные поздравления из Риги. После победы на "Ступени к Парнасу" Талькову была послана телеграмма примерно такая: "Орфей ты наш! Поздравляем!!!" На что последовал шутиливо-обиженный звонок. И опять долгое молчание: всех жизнь раскидала. Какими мы стали - сказать было трудно.

...Встреча наша не планировалась, но произошла. Проходя как-то мимо Дворца спорта, я увидел афишу концерта. Там была "солонка сборная". Но был и Тальков. Как я шел в форме офицера милиции, так и заглянул за кулисы - никто не остановил... В гримерной испуганная Агузарова пискнула в приоткрытую дверь, за которой настраивали гитару: "Игорь, к тебе милиция!..." "Какого хрена!" - разъяренный Тальков вылетел из комнатки. Немая сцена и... Вот это уже было похоже на то, как Генсек у трапа самолета с огромной душевной радостью встречал очередного лидера из страны народной демократии.

Потом, в перерыве между двумя концертами, мы болтались по Старой Риге, представляя из себя, наверное, весьма живописную парочку: в обнимку шли "хромовые сапоги" и тип с раскрашенными голубыми тогами лицом, ярко-красными губами... Игорь высочил как был в гриме. Его, конечно, узнавали. Все встреченные нами мои знакомые из радиокомитета и любимого кафе "13 стульев" умудрились выпросить у Талькова контрамарки. Я же на концерт так и не попал - служба.

...Мы поболтали два часа, вспоминая службу, и думали, что все было не так уж плохо - помнится ведь хорошее. Орли веселую

песенку, написанную в армии и не оставившую следа в искусстве:

Карнавал чудес -
Чудо-праздник!
Весел старый Бес -
Безобразник.

Квазимодо горд - чудеса!
Весела Аленушка-краса,
Пемо-капитан,
Пасреддин -
Веселье все,
Как один!

Этой песенкой "Звездочка" веселила выпускников провинциальной школы летом 1978 года. А в промежутках между музыкой исполнялись сценки с "бородой", имевшие бешеный успех у публики: "Доцент был тупой..." и "Чем измеряется напряжение? - Напряжометром!" Тогда основной состав во главе с Тальковым кокетничал с девочками и солидно учил жизни мальчишек. А сами мы казались себе такими взрослыми и мудрыми. Ведь мы! писали!! такие!!! тексты!!!!

Кабачки и вино - надоели,
Надоели все женищины мира.
Не пора ли уйти, в самом деле,
Высоко - может, выше Памира.

Не люблю никого, не ласкаю,
Кучки слов выделяю кому-то
И всегда за собою таскаю
Жизнь, спрессованную в минуту.

Лгу себе и другим, вижу лица,
Искаженные болью и гневом...
Или мне это все только снится,
Этот миг - между мною
и небом?

Не прошу - мне не надо
прощенья,
Мне любовь и вино - надоели.
Может быть, я на точке
кипенья?

Не сварился ли я, в самом деле?

Ты мне шепчешь слова,
отдаваясь,
Ты ласкаешь мне душу и тело.
Ну а я все равно сомневаюсь -
Мне действительно все
надоело...

А потом, вернувшись в часть, мы говорили в нашей "переписке" с Игорем о самом важном. И мечтали, и спорили. Он упрямо твердил: "Я пойду только прямо. Это самый короткий путь". Он дописал в мой дневник:

"Быть может, после этого письма многие вещи представляются тебе в другом свете. Быть может, ты лучше поймешь друзей, их отношение к тебе, что, в конце концов, позволит тебе самому стать тем, кем ты хочешь..."

Сам он очень хотел стать настоящим музыкантом и поэтом. И, похоже, мы можем считать: Игорь почти достиг того, чего желал.

Но его убили - на взлете. И еще. Когда мы бродили с ним по Старой Риге, Игорь кое-что рассказал мне о своей жизни вне сцены. Я ему, честно говоря, тогда позавидовал - уж больно она талантлива и привлекательна... А теперь? Теперь никто не убедит меня, что она ни при чем.

Владимир ГАНКЕВИЧ,
капитан дорожной
полиции, журналист.

(Фото из архива автора.)

СМ: Рига. - 1991. - 30 окт.

Очень личное

Игорь ТАЛЬКОВ:

"ЛУЧШЕ ВЫСТРЕЛ В УПОР..."

зволю оставить при себе дальнейшие рассуждения на эту тему. Они могут быть излишне пристрастны, а Талькову уже ничем не помогут. Как, впрочем, не помогут и следствию. Дай бог мне ошибиться, но кажется, что глубинная правда об убийстве Игоря никогда не будет нам сказана. Ибо смерть его - расплата за "прямохождение".

...В 1978 году Игорь Тальков, практически никому не известный, кроме "узкого круга истинных ценителей", не обладавший привычным всем "усато-бородатым" сценическим обликом, а наоборот, стриженный, с худой шеей, стирал с автором этих строк в холодной воде вонючие портянки и давал развернутую оценку какому-то эстрадному концерту, куда сбежал в порядке самоувольнения, за что и отбыл уже положенные "вне очереди".

Мы были солдатами, служили в одной роте, в одном отделении одной строительной части, которыми беззащитно напичкано все Подмосковье, в том числе и место нашей службы - Нахабино.

удалось избежать армии, Игорю не ленился тратить время и на тех, кто не совсем четко представлял, с какой стороны подходить к роялю... Я практически не умел играть - после знакомства с Тальковым достиг таких успехов, что мне позволяли периодически на очень серьезных выступлениях бренькать на ритм-гитаре и заполнять соответствующие паузы игрой на "треугольнике"...

И еще мы, недоучившиеся студенты, вместе сочиняли тексты. Тут уж я ненадолго брал реванш - был главным консультантом, ибо меня, в отличие от других членов нашего коллектива, "взяли" именно с филологического факультета... Но последнее слово все-таки всегда оставалось за Тальковым. Он считал, наверное справедливо, что его музыка должна быть основой для текста, который близок именно ему - главному исполнителю:

"Холод мертвый кругом
И луна - как кольцо,
Ни пешком, ни бегом -
Звездный ветер в лицо

Он не удержался, прочитал дневник, и мои тогдашние взгляды на жизнь так заделали его, что Игорь решил на поступок весьма своеобразный - без моего разрешения прочитав дневник, туда же и написал все, что думал по этому поводу. Он понимал, что делает не совсем здорово, но был настолько человеком импульсов, порывов, что просто не сумел заставить себя поступить вопреки своей уверенности, что так надо. Честно говоря, я воспринял его шаг совершенно естественно, потому что это был шаг очень тальковский. Я хорошо понимал его буйную природу и благородность этого, казалось бы, весьма сомнительного порыва. Игорь сразу как бы извинялся:

- Я хочу тебе сказать, что сам был бы весьма рад, если бы какой-нибудь Вовка Ганкевич написал правду обо мне, вернее, то, что он думает обо мне и в чем не согласен с моими мыслями..."

Ох и "врезал" же мне он тогда! Главная мысль Талькова была примерно такой: все мои беды от

ла. Нет, не все - подумал я, когда увидел лица своих ребят. И лицо Игоря... Мы заперлись ночью в клубе, пили сначала водку, потом спирт, а напоследок... оделоколон "Рижанин". И утром недоумевающий старшина никак не мог понять, откуда над еще сонной ротой этот "иностранный" запах...

Привилегированный сержант, завклубом Тальков прошел вместе с нами наравне всю "кирзовую" школу. Он позволял себе лишь одну поблажку - не чистить картошку на сто человек. "Нужно беречь руки", - об этом было заявлено в его обычной манере: вслух, перед строем, после принятия присяги. И "старика" наши поняли "салагу" и оценили. Это была сенсация: старослужащие согласились на то, чтобы Игорь не чистил картошку, но с одним условием: он должен был быть вместе со всеми на кухне и играть. Когда весь наряд шел "на барщину" с картофельными ножами в руках, Тальков, укрывая свою "фирменную" гитару от непогоды, пробегал от клуба до столовки и триче-